ОТ ВЫБОРОВ НЕЛЬЗЯ УЙТИ ИЛИ СПРЯТАТЬСЯ. ИХ НАДО ВЫИГРАТЬ

Егор ГАЙДАР

I. Почему нельзя отказаться от выборов

Скажу откровенно: аргументы тех, кто считает, что выборы «несвоевременны», что их хорошо бы перенести, отнюдь не вызывают у меня священного гнева. Ясно, что здесь есть немало утилитарной правды. Момент для выборов — и парламента, и президента — не лучший. Экономический отлив, кажется, заканчивается, скоро должен начаться прилив — если мы сами, своими неумелыми действиями его не перебьем. Пусть только начнется экономический подъем, который ощутит не узкий слой долларовых миллионеров, а вся огромная масса «миллионеров» рублевых, тот самый «средний класс», который никак не мог конституироваться в условиях инфляции, — и тогда политическая и социальная стабильность нам будут обеспечены всерьез и надолго. Гавань — не идеальная, но зато реальная — уже видна. Это всегда самый опасный момент, особенно для нашей страны. Черчилль говорил про революцию 1917 г., что русский корабль затонул у самого входа в гавань. Пусть в меньшей степени, но есть подобная опасность и сегодня.

Серьезная опасность исходит не от шпаны, малюющей свастики, делающей себе соответствующие татуировки, и не от «утонченных» околофашистских полуинтеллигентов, ради скандальной популярности эпатирующих сытую публику «острыми» журнальчиками и лесенками. Такая жалкая тусовка была и будет всегда. У кого-то она вызывает брезгливость, у кого-то смех, а у кого-то и истерический интерес. Но политического значения вся эта маргинальная компания не имеет. Они судорожно дергаются, чтобы привлечь к себе внимание. Хорошо, если компетентные органы отметят это старание, направят свое внимание на нацистскую помойку. Но, повторяю, политическую погоду эта публика не делает.

Опасно иное. Политические экстремисты прекрасно чувствуют, что время работает против них. Стабильность означает их стабильное исчезновение с политической сцены. Приливы и отливы популярности экстремистских партий точно совпадают с общей ситуацией в обществе. Германия, 1919—1923. Растущая инфляция — политический кризис — увеличивающиеся шансы нацистов. Гитлер попытался оседлать «клячу истории» 8 ноября 1923 г. Провалился. Затем начался экономический подъем, период социальной стабильности (1923—1928) — нацистская партия развалилась, шансы фюрера упали до нуля. Новый кризис (1929—1933), многомиллионная безработица — и опять господа экстремисты в цене. На сей раз на гребне кризиса удалось прорваться к власти.

Экономический подъем в нашей стране «грозит» начаться в 1996—1997 году. По закону «качелей» это означает, что шансы господ жириновских-зюгановых и иже с ними опускаются практически до нуля. Их последний шанс сегодня, их шанс — на выборах 1995—1996 гг.

И все-таки отменять, переносить выборы нельзя.

Во-первых, такая отмена вызовет сильнейшее брожение в обществе. Тут не надо ждать «симметрии»: те самые люди, которые посмеиваются над выборами, не хотят на них идти, будут крайне возмущены отменой выборов, тем, что у них отобрали саму возможность голосовать. У экстремистов появляется козырная карта и сильная, каждому понятная объединяющая идея — «даешь выборы!»

Во-вторых, брожение в обществе означает подрыв легитимности демократической власти. Выборы хотят отменить ради стабильности, но стабильности так и не добьются (если, конечно, не путать политическую стабильность со своей личной, сохранением своего личного кресла в Думе, Совете Федерации, администрации президента еще на пару лет). Наоборот, усилится раскол общества.

В-третьих, чем больше власть теряет легитимную поддержку, тем больше она ищет поддержку в силовых структурах. Власть, которую не избирают законным путем, обязательно будет подпирать себя штыками. Учитывая специфические интересы и менталитет военно-полицейского комплекса, такая «сдвижка» центра власти означала бы как раз перерождение власти, «встречное движение» в сторону политических экстремистов. А они, в свою очередь, ощущая поддержку власти (или наиболее влиятельной ее группировки), резко увеличат свои аппетиты.

Нет, демократическая власть не может, ради любых разумных тактических соображений, отказаться от нормальных демократических методов, от выборов. От выборов нельзя спрятаться. На них надо идти, их надо выиграть — вот задача демократических сил. Задача трудная, но реальная.

Надо приучить общество к мысли: выборы в норме означают не радикальную смену курса, а его корректировку в пределах существующей системы.

Зюганов заранее торжественно объявляет о своей победе на парламентских выборах. Коммунисты плюс аграрии плюс «Женщины России» при благожелательном нейтралитете либеральных демократов (они же — «молодые волки», они же «национал-социалисты») будут контролировать новую Думу, получат в ней твердое большинство, заявляет он. А выборы в Думу — пролог выборов президента. Кто победит 12 декабря, получает мощный толчок к выборам 12 июня. Это и моральное настроение избирателей, и деньги спонсоров, и новый баланс сил в правящей элите.

Я думаю, Зюганов зря торопится заказывать шампанское. Здесь могу самокритично сослаться на наш опыт. Многие из политиков и политологов-демократов слишком бодро предсказывали наш подавляющий успех на выборах 12 декабря 1993 г. Зарвнее объявленные фавориты редко приходят к финишу первыми...

II. Три политические силы

При всех вариациях, вроде растущего в геометрической прогрессии числа партий и блоков, общий политический ландшафт более или менее ясен.

Экстремисты, «партия реванша». Я не говорю о политических маргиналах (хотя очень многие, скажем, в ЛДПР по своему менталитету явно маргинальны). Реально «партия реванша» — группы элиты, чувствующие себя обделенными властью и на волне левопопулистских лозунгов стремящиеся во власть. Но их приход означал бы не просто смену табличек на кабинетах. Да, не будет возврата ни в какой «социализм» ввиду полной физической невозможности такого действия сегодня. Будет иное — цель авантюр. Великодержавная риторика и реальное мелкое заискивание перед странами Запада — во внешней политике. Та же риторика, но уже сопровождаемая бряцанием оружием, — внутри СНГ. Наконец, военные авантюры внутри самой России (чеченская война дает нам понять, что это такое). «Государственное регулирование», разумеется, с благой целью «подъема производства» и повышения уровня жизни. И то, и другое поднимут — на высоту инфляционной волны. Новый виток обнищания граждан, новый виток обогащения других граждан, в первую очередь, разумеется, чиновников, собственно, осуществляющих регулирование денежных потоков из Москвы через свой карман и в Швейцарию, в тихую заводь секретных именных счетов. Я вовсе не хочу сказать, что наши коммунистические и националистические политические оппоненты по своим личным качествам все наперечет — воры или даже, что среди них больше лиц, подверженных коррупции, чем среди нынешних чиновников. Дело просто в том, что система получастной-полугосударственной экономики с мощным элементом бюрократического регулирования есть идеальный питательный бульон для бактерий коррупции. От этой системы с большим трудом начинает отходить современное руководство. Победа «левых сил» рывком бросает нас обратно туда в самом неприятном варианте — пропитанном многолетней ненавистью и местью, прикрытом мощным слоем популистски-националистической демагогии.

Партия власти, бюрократически «центр». Правящая бюрократия прошла за 1992—1995 годы определенную эволюцию. Если начали с пугающих заявлений про построение «рынка, но не базара», то сейчас пришли к жесткой финансовой политике и достаточно последовательно ее проводят. При сохранении нынешнего курса есть реальные шансы, что действительно в 1996—1997 годах начнется экономический подъем.

Вместе с тем позиция «центристской» бюрократии всегда непоследовательна, грубо эгоистична. Основной мотив состоит в том, чтобы сохранить гипертрофированное бюрократическое государство, сверхмощную административную систему, соединив их с рынком и частной собственностью. Это невольно напоминает анекдот про лошадь, впряженную в пароход. Сложившийся гибрид точно обозначается терминами «номенклатурный капитализм» или «бюрократический рынок», которые, кажется, не оспариваются никем, получили права гражданства. Но внутреннее противоречие, содержащееся в этих понятиях, редко осознается в полной мере.

Избыточное бюрократическое давление крайне опасно для рынка. Малокомпетентная бюрократия становится основным субъектом рыночных отношений и, естественно, стремится сохранить такое положение. Это ярко проявилось в некоторых социологических опросах. Согласно их данным, очень незначительная часть (до 5 процентов) богатой части общества, российские предприниматели, поддерживает в полном объеме радикальные рыночные реформы. Среди разоренной интеллигенции процент сторонников реформ куда выше. Данный парадокс легко объясним: значительную часть предпринимателей, особенно на местах, представляют люди, так или иначе связанные с бывшей и сегодняшней номенклатурой, вписавшиеся в номенклатурный капитализм и не мыслящие для себя иного. Распространена в этой среде и агрессивная националистическая риторика «молодых волков» Жириновского. Наконец, как уже говорилось, бюрократический рынок, получастная-полугосударственная экономика, нерасчлененность коммерческих и административных структур — это питательная среда коррупции, при которой бюрократическая система легко становится мафиозной. Понятно, что интеллигенция связывает свои надежды с изменением ситуации, с преобразованием бюрократического рынка в открытый рынок, номенклатурного капитализма — в современный, социальный капитализм. Именно в рамках цивилизованного, открытого общества, не подверженного бюрократическому диктату, интеллигенция видит свое будущее, с этим связывает свои надежды. Объективно превращение номенклатурного, бюрократического рынка в рынок открытый, превращение номенклатурного государства в открытое общество необходимо и всей России. Таков категорический императив самого времени — кануна XXI века, если, конечно, мы не готовы смириться с ролью отсталой по своему социально-экономическому устройству, криминализированной страны, впрочем, не устающей грозно ворчать о своих великих амбициях.

Третья крупная политическая группировка — демократические силы, «партия реформ» как раз и старается реализовать жизненно необходимую стране программу. Перефразируя Ленина, можно сказать про эту программу так: из России номенклатурной будет Россия развитого капитализма.

Приложить политическую волю для обеспечения мирного, эволюционного перехода от бюрократического государства к гражданскому обществу — так я обозначил бы нашу «генеральную линию». Надеюсь, что она объединяет весь демократический лагерь, несмотря на разногласия внутри него.

В каком-то смысле это не просто стратегическая, но историческая линия. Такие идеи вдохновляли русскую либеральную интеллигенцию еще в прошлом веке, затем диссидентов. Наиболее крупного прорывного успеха здесь удалось достичь, конечно, в 1990—91—92 годах. Однако проблема остро стоит и сегодня.

Здесь есть целый ряд проблем. В экономике — открытый рынок, гарантии частной собственности, в том числе на землю. У нас разработан целый ряд конкретных программ, о которых здесь неуместно говорить подробно, — в области аграрной реформы, защиты частной собственности, стимулирования инвестиций. Особенно выделил бы проблему жилищного строительства. Нам кажется, что она могла бы стать таким же «локомотивом» для нашей экономики, каким в XIX веке было строительство железнодорожное. Важным событием стало принятие Гражданского кодекса, в разработке которого мы принимали прямое участие еще во время работы в правительстве. Однако важно сделать его действительной основой гражданской жизни.

Крупные задачи стоят перед нами в социальной политике, в сфере военной реформы и реформы государственного управления. Идеология везде проходит одна: компактное и эффективное государство, помогающее стать на ноги здоровому, честному среднему классу, не гоняющееся за призраками имперски-бюрократического величия в духе XIX — начала XX века, а готовящее страну к вхождению в постиндустриальную цивилизацию, с адекватной системой приоритетов.

Наконец, должен измениться сам дух государства, чтобы проблемы прав и безопасности граждан, их защиты от бюрократического хамства и произвола, качества их жизни, борьбы с шовинизмом стали действительно важнейшими. Традиционно российская бюрократия воспринимала саму постановку таких проблем или как «бессмысленные мечтания», или как опасную крамолу. Нужны жесткая политическая воля и настойчивость, чтобы сломать эту установку.

III. Программа-минимум

Однако, как политики-реалисты, мы ставим перед собой и программу-минимум. Перекрыть дорогу экстремистам, добиться сохранения стабильности. Здесь объективно возможен наш союз с частью партии власти.

Российская политическая система с ее сверхмощной, сверхтяжелой бюрократической сердцевиной устроена так, что политические партии вынуждены постоянно вести борьбу за влияние на элиту бюрократии — единственную силу, реально принимающую решения. В настоящее время в экономической части правящей элиты, безусловно, очень сильны либеральные влияния. Собственно, они и объясняют в целом разумную экономическую политику последних месяцев. Вместе с тем в части бюрократической элиты всегда сохраняется хотя бы «генетическая» предрасположенность к национал-коммунистической идеологии. Тут сказываются и общее номенклатурное происхождение, и советский менталитет с его традиционными предрассудками, и, самое главное, интересы. Бюрократия всегда заинтересована в усилении государственного контроля. А усиление госконтроля требует соответствующего идеологического прикрытия — национал-популистского, а это, в свою очередь, влечет очевидные политические следствия...

Вот это «перетягивание каната» в коридорах власти между либерализмом и национал-популизмом шло и идет всегда. Выборы в Думу играют тут важную роль, выборы президента — решающую.

Наиболее влиятельная часть правящей бюрократической элиты отошла от национал-популистского крыла не из любви к либеральным ценностям. Дело в ином, сработал государственнический инстинкт, а если угодно — инстинкт самосохранения. Реальные государственники на практике, в своей повседневной экономической деятельности убедились, что «государственники» из газет «Правда», «Сов. Россия» или «День» тянут государство прямо в пропасть. Инфляционную пропасть, политическую пропасть. Националистически-государственническая риторика может нравиться, а либерально-демократическая риторика может отталкивать — сердцу, известно, не прикажешь. Но жизнь наглядно показала — следуя приятной риторике, государство ломает себе шею, а чтобы спастись, вынуждено принимать не самые приятные пилюли либерализма.

Правящая бюрократическая элита этот факт в значительной мере осознала. Если осознают избиратели — выборы выиграны.

Итак, задача-минимум демократических политиков — сохранить и закрепить сложившийся сейчас союз бюрократического центра и части либеральной элиты. Не допустить сдвига основной бюрократической массы в сторону национал-популистов. Сдвига, который сразу вызывает в памяти зловещую картину рукопожатия фельдмаршала фон Гиденбурга и «богемского ефрейтора» Гитлера.

Либералам, демократам никогда не нужны великие потрясения. Потрясения — питательная среда авантюристов. Но если бы в 1989—1990 годах демократы ограничились такими словами, они бы слукавили. Надо было сменить отжившую себя систему. Задача была — демонтировать ее мирным путем, с помощью эволюции, а не революции, но очевидно, что полностью избежать здесь потрясений было невозможно в принципе. Теперь — иное. При всех недостатках, при всех тенденциях к застою и разложению новая система в принципе жизнеспособна, она дает стране возможность развиваться. Мы действительно против любых острых потрясений, действительно за плавную эволюцию при сохранении стабильности. Это не просто лозунг, это точная констатация.

Аполитичность, о которой часто говорят, это тоже политическая позиция: люди не хотят новых резких движений. Истерика надоела всем, митинги людей не собирают, кликушества на тему «гибели страны» приелись. В принципе свой шанс экстремисты упустили в 1992—1993 годах, победа (относительная) 12 декабря 1993 г. реально может стать их последней победой.

Объективных причин для победы экстремистов нет, как нет объективных причин для нового экономического и социального обвала. Вот это главное мы и должны объяснить избирателю. Довести до избирателя элементарнейшую мысль: самое трудное — позади. Сегодня от нас зависит, будут наше терпение и жертвы оправданы начинающимся подъемом или перечеркнуты новым обвалом. Время разбрасывать камни мы прошли, сейчас для России объективно настала пора собирать камни, снимать урожай с того, что с таким трудом удалось посеять в 1992 г. Не будем вытаптывать то, что сами посеяли!

Средства, накопленные в торговле, в финансовых спекуляциях, в сырьевых отраслях, если инфляция прекращается, начинают перетекать в производство. Чуть-чуть «подруливать» этим процессом — и естественный, органический подъем начнется.

В социальной сфере после периода обнищания начнется консолидация, кристаллизация нового среднего класса. Вот это будут настоящие «новые русские», которые нашли себя не в коммерческом бандитизме, а в работе в условиях рынка. И только поднимающееся общество сможет реально помочь беднякам, тем, кто сам встать с колен уже не может.

В национально-государственном строительстве сегодня нужно лишь одно — избегать авантюр, резких движений. Россия будет прочно собираться вокруг магнита рынка, экономического подъема. Никакие силовые методы ничего не дали для сохранения целостности Грузии и Таджикистана, Молдавии, хотя крови было пролито немало. Теперь война пришла к нам — и много эти десятки тысяч убитых помогли России? Не на крови строится единство страны, а на законе, уважении равенства и достоинства наций и, главное, на стабильности, экономическом интересе. Добьемся этого — тогда твердо обеспечим единство России.

Вот такие элементарные, идущие от простого здравого смысла идеи (даже не «лозунги») мы будем ставить в центр своей избирательной кампании.

Это несомненно патриотическая позиция, позиция нормального, честного патриотизма — забота о своем будущем в своей стране. Конечно, это полностью противоположно тому «патриотизму», который негодяи используют как свое последнее прикрытие.

Я очень надеюсь здесь на конструктивное сотрудничество со всеми разумными политиками, заинтересованными в сохранении гражданского мира в России, а значит — демократии и рынка.